

© 2012 г. Ю.А. Герус

УДК 101

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЛЮБВИ КАК КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ Ж.П. САРТРА**

Для Жана-Поля Сартра аналитика любви никогда не была самостоятельной темой, она органически вписана в созданный им экзистенциальный проект, который имел цель исследовать целостность бытия человека в мире. Основная задача онтологической феноменологии, которую Сартр изложил в «Бытии и ничто» (1943) – проникновение в смысл отношений человек–мир, а все вытекающее отсюда – рассуждения о вещи, сущем, любви, свободе – это знание о бытии человека. Любовь занимает в этом ряду не последнее место, но может быть понята только в контексте общей концепции и во взаимосвязи с феноменами Другого и свободы.

Итак, исходный пункт по Сартру – человек, индивид, личность; что всегда опасно ловушкой соллипсизма. Философский путь родоначальника экзистенциализма был связан с большим влиянием Гуссерля и Хайдеггера, но работая над своей теорией бытия себя и бытия Другого, он методологически дистанцируется от прошлых традиций: его феноменология – это «не феноменология Cogito, доказывающего существование Другого» [1]. Точкой отсчета для него выступает факт существования меня и факт существования Другого, и именно эта фактичность двух несравнимых, конкретных и взаимозависимых существований, выступает залогом адекватного познания личностью себя и мира вокруг. Согласно теоретическим построениям Сартра, Другой появляется в тот момент, когда я открываю для себя самого свое существование, он конституирует новый тип моего бытия. Чтобы разобраться в себе, необходимо выявить роль Другого в моей реальности. Сартр ставит два важнейших вопроса, связанных между собой: существует ли Другой и каково отношение моего бытия к бытию Другого [2]. Ответы на эти вопросы разворачиваются по такой логике: аналитика взгляда как момента обнаружения существования Другого, специфика тела как пребывания Другого [3], и нако-

нец, конкретные отношения с Другим, первичным из которых выступает любовь (язык и мазохизм). Любовь нужно рассматривать в этой диалогической связи Я и Другого, в борьбе суверенных свобод и стремлении к признанию и поиску смысла собственного существования.

Любовь далека от стремления к физическому обладанию, так как ее целью выступает гораздо более проблематичное обладание – она стремится к владению свободой Другого, но не насильственному ее порабощению (это примитивный путь тирании), а добровольному. Поскольку благодаря признанию и обнаружению меня Другим я получаю свое бытие и становлюсь чем-то (хотя прежде был для себя ничем, так же, как есть миллионы чужих, кто для меня ничто), постольку я зависим от него в той или иной степени. А это ограничивает мою свободу (высшую ценность и онтологическую данность) и задает мое самоопределение. Таким образом, для Сартра бытие-для-другого, которое возникает в этот момент, изначально конфликтно и диалектично. Индивиду присуще стремление отвоевать у другого свое бытие и свободу, заставить его признать мою свободу (т.е. признать меня чем-то и ничем одновременно) – и в этом неустранимая конфликтность бытия-для-другого, которая является условием любви, так как «сама любовь есть конфликт» [4]. Эта парадоксальная природа любви связана с вечным конфликтом стремления к взаимности и желания обладать волей другого. Если бы вопрос был в простом физическом обладании, то он не создавал бы трудностей и феномен любви не был бы столь значителен для человека. Фактическое подчинение себе объекта любви и даже его порабощение не является обладанием его свободой, напротив, – Сартр приводит знаменитый пример из Пруста, когда Марсель поселил у себя Альбертину, поставив ее существование в зависимость от себя, однако терзался тревогой, наблюдая ее во сне, так как видел в этом ее бегство и ускользание. Эта суверенность любимого, пусть явленная только через ускользание в сознании, является залогом любви, так как полное порабощение любимого превращает его в вещь, что убивает любовь. «Следовательно, любящий не желает владеть любимым как вещью, он требует особого типа обладания. Он хочет владеть свободой как свободой» [2, с. 212]. Я желаю пленить свободу Другого таким образом, чтобы другой сам – свободно – пленился мною снова и снова. Любящий не удовлетворяется никакими присягами на верность (они и необходимы и ненавистны ему), так как он хочет быть свободно любимым данный миг и так далее, независимо пусть даже от обещанного.

Сартр развивает далее мысль о том, что представляет собой такая покоренная свобода и суверенность Другого: свобода может пленить сама себя и все же остаться свободной, если она стремится раствориться в другой свободе, видя в ней наивысшую ценность и смысл. Влюбленный стремится стать объектом, «в котором свобода Другого соглашалась бы теряться, а Другой согласился бы найти свою вторую фактичность, свое новое основание бытия...<...> И это выражается психологическим требованием, чтобы свободное решение любить меня, которое принял любимый, проскальзывало как околдовывающая движущая сила внутрь его настоящего свободного вовлечения» [2, с. 215].

Чужая свобода, добровольно пленившаяся мне, придает моему существу значение высшей ценности. Я, субъект, из «ничто», чем я был когда-то, превращаюсь для возлюбленного во «все» – я даю новое бытие Другому, любящему меня, а мое существование, в свою очередь, становится необходимым и обретает ценность и смысл. Это новое обретенное существование, бытие-влюбленным, если можно так выразиться, становится «чистым благодеянием» и полностью находит себя в отдаче, «дарении себя всего». И здесь я подхожу к важнейшему замечанию Сартра – из всего вышесказанного он делает вывод, что до того, как нас полюбили, мы были «лишними» в мире, теперь же наше существование принято и «безусловно одобрено» во всех мелочах, более того, оно вынесено в абсолют, который недостижим для оценивания и освобожден от него. Смыслом истинной любви, таким образом, выступает чувство, что наше существование одобрено и имеет смысл и радость.

Парадоксально, но в моем, как будто бы завершенном и наполненном смыслом бытии, Другой, который любит меня, сам погружается в мое бытие и свободу, лишая меня определенности себя извне. И задача искать признания и оправдания себя оказывается вновь возложенной на меня самого. Эта диалектика любви, Я и Другого, согласно Сартру, и есть вечная и изменчивая сущность чувства. И в ней нельзя никогда достичь абсолютного равенства.

Еще одна черта любви, на которой останавливается Сартр, это иллюзорность любви (в этом он идет вслед за Фрейдом). Объект любви для самого этого феномена принципиально не важен, он лишь стимул для меня, а не причина. Эта иллюзорная природа любви частично может быть показана на примере соблазнения. Чтобы стать любимым, пленить суверенность и свободу Другого, я стремлюсь очаровать его, предстать перед ним как что-то крайне

ценное, как «непревосходимая величина», утверждает Сартр, – «соблазнение имеет целью вызвать в Другом сознание своего ничтожества перед лицом соблазнительного объекта» [2, с. 218]. Определение любви как «игры зеркальных отражений» хорошо передает то, как она трактовалась эзистенциализмом. Эта система бесконечных отсылок, бликов бытия, движима нашим стремлением отразиться в Другом, чтобы увидеть его признание и обосновать новые принципы своего существования. Эта игра отражений меня в Другом и его во мне невещественна, хитра и очень хрупка, легкое смещение способно разрушить игру и кажущуюся глубину. В заключение, Сартр приводит пути «тройкой разрушимости» любви, которые губя и ее хрупкость.

Во-первых, это обманчивая природа любви-отражения, где «любить – значит хотеть, чтобы меня любили, то есть хотеть, чтобы Другой хотел, чтобы я его любил» [2, с. 224]. В этом коренится вечная неудовлетворенность и «неуспокоенность» любящего, а вовсе не в недостатке любимого существа, который обречен на неотвратимое возвращение к своей способности обосновывать свое бытие. Сартр подчеркивает, что нужно понимать «доонтологическую природу» этого обмана. Во-вторых, хрупкую целостность любви всегда может разрушить пробуждение Другого от иллюзии высшей ценности меня. Любовь не имеет гарантий, она может прерваться в любой момент, когда Другой посмотрит на меня как на вещь, объект, – отсюда вечная «необеспеченность» любящего. И, наконец, волшебство любви может развеяться под взглядом третьего, из-за которого каждый из двух любящих начинает ощущать себя и Другого объектом. Появление третьего – кем бы он ни был! – нарушает мнимое равновесие любви. Действительно, чтобы любовь оставалась точкой отсчета, абсолют, необходимо, чтобы любящие остались наедине в мире – а это вечный недостижимый идеал влюбленного. Природа любви, резюмирует Сартр, изначально заражена и несет в себе зародыш своего разрушения.

Феномен любви, согласно его пониманию Сартром, неотделим от бытия человека и его свободы. Он не поддерживает идеи зависимости любви от каких-либо конечных причин – физиологии, инстинкта и т.д. – так человеческое бытие – не пассивное пребывание. Способность к самоопределению – неотъемлемое качество природы человека; своего поведения, всех событий жизни человек «придерживается» – то есть впускает все это в свое бытие, поэтому несет за это полную ответственность. Любовь, хотя и имеет природу наваждения, при-

ходит к нам не помимо нашей воли и сознания, а вместе с ними и является игрой взаимоотражений, в которую «свободно вступают, дают себя вовлечь наши сознания» [4, с. 356]. Причиной всего этого является сам субъект, его идентичность, которая ищет признания себя и своего бытия со стороны Другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голенков С.И.* Феноменология Другого Сартра // Вестник Самарской гуманитарной Академии, серия «Философия.Филология», 2006, № 1(4).
2. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
3. *Джефферсон А.*, Аналитика тела у Бахтина, Сартра и Барта [электронный ресурс] URL: // <http://www.nbuu.gov.ua/portal/Soc>
4. *Демидов А.Б.*, Феномены человеческого бытия. Минск, 1999.

LITERATURE

1. *Golenkov S.I.* Sartre's phenomenology of the Other / / Bulletin of the Samara Humanitarian Academy, a series of "Filosofiya.Filologiya", 2006, № 1 (4).
2. *Jean-Paul Sartre*, Being and Nothingness: The experience of phenomenological ontology. M., 2000.
3. *Jefferson, A.*, Analysis of the body in Bakhtin, Sartre and Barth [electronic resource] URL: // <http://www.nbuu.gov.ua/portal/Soc>
4. *Demidov A.B.* The phenomenon of human existence. Minsk, 1999.

**Санкт-Петербургский
государственный университет**

12 августа 2012 г.